

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Олег Кожин

ЗВЕРИНЕЦ

Самая страшная книга

Олег Кожин

Зверинец

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кожин О. И.

Зверинец / О. И. Кожин — «Издательство АСТ», 2020 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-127235-7

У каждого свои страхи, потаенные и не очень. Кто-то боится пауков, а кто-то – тварей, чьи глаза никогда не видели солнца. Кого-то бросает в дрожь от мысли про маньяка, прячущегося за шторкой в ванной комнате, а кого-то больше беспокоят острые края бумажных листов. Одних ввергают в ужас длинные клыки и острые когти, а другим достаточно услышать скрип половицы... За спиной. В темном заброшенном доме. У каждого свои страхи. В «Зверинце» Олега Кожина собраны самые невероятные кошмары. Вот они – рычат, скалят зубы. Мерцают желтые глаза во тьме за решеткой. Готовы ли вы рискнуть и открыть клетку?..

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-127235-7

© Кожин О. И., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Зверинец	6
Иней на лицах	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Олег Игоревич Кожин

Зверинец

© Олег Кожин, текст, 2020

© Катрин Швыдова, обложка, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Зверинец

Начало презентации задерживалось уже на двадцать минут. Раздосадованный Бехтерев отчаянно тянул время, надеясь, что вот-вот подъедет фургон телестудии и взволнованная стройная девушка, как в кино, станет записывать стендап на фоне сваренной из арматуры клетки. Хотелось огласки, съемочной группы Первого канала, топовых блогеров... а жестокая реальность преподнесла ему женоподобного толстяка с блокнотиком и дешевой шариковой ручкой. Даже без фотоаппарата!

Два дня назад Бехтерев разослал пресс-релизы и лично обзвонил редакторов всех телеканалов, радиостанций, новостных сайтов и газет, даже рекламных. И вот результат – вокруг клетки крутится верный Митяй с прилипшей к ладони VHS-камерой, да еще этот незнакомый дядька с телом глубоко беременной бабы. Невысокого роста головастик в полосатом костюме строгого кроя недовольно потирал пухлые наманикюренные ручки, явно теряя терпение.

– Ну что, долго еще? – глубокое контральто журналиста куда больше подошло бы какой-нибудь грудастой красавице. – Где ваш снежный человек?

Он взмахнул перед лицом Бехтерева смятым листочком пресс-релиза, многозначительно косясь на пустую клетку. Два квадратных метра пространства, ровно расчерченного рифлеными тенями прутьев. В высоту тоже два метра. Посередине – узкая дверца с мощными петлями, громадный навесной замок, для верности перекрученный тяжелой цепью. Окажись внутри пресловутый йети, нипочем бы ему не вырваться, но единственным пленником самодельной тюрьмы была причудливо изогнутая коряга, прислоненная к дальнему углу.

– Снежный человек, значит?

Недобро косясь на Митяя, Бехтерев скрипнул зубами. Тот попытался спрятаться за видеокамерой и оттуда залопотал, оправдываясь:

– Не, Степан Антоныч, а чо?! Ты в лесу прессухи устраиваешь, а Митяй – людей приведи?! Да если б я про снежного человека не написал, вообще бы хрен кто приехал! А так – хоть этот... – Митяй кивнул на медленно закипающего журналиста. – Все ж пресса!

«Всежпресса» такого издевательства не снесла. Со словами «Ну все, с меня довольно...» журналист картинно нахлобучил кепку и пошагал прочь, к служебной «Калине», поджидающей у края поляны. Бехтерев грозно обматюгал Митяя и, задавив остатки гордости, бросился следом. Хрен с ней, с гордостью, нарастет еще. А вот если сейчас не бухнуться обиженному журналисту в ножки, тогда неизвестно, когда представится следующий шанс. СМИ, даже самые неразборчивые и желтые, давно перестали обращать на «безумного охотника» внимание. А Бехтереву нужна была огласка. Именно сейчас. Ему нужен был этот жеманный толстый чудик с глазами профессиональной ищейки.

– Постойте, прошу вас! – С трудом балансируя на осклизлой земле, Бехтерев догнал репортера и ухватил за локоть. – Да погодите же!

Тот неохотно остановился. Брезгливый взгляд прошелся по руке охотника, заставив Бехтерева устыдиться огрубевших пальцев, сбитых костяшек и давно не стриженных ногтей, улыбающихся черными каемками застарелой грязи. Он поспешно выпустил локоть.

– Вы простите Христа ради, уважаемый... э-э-э...

– Филипп Иванович, – снисходительно подсказал журналист. – Красовский.

Назвать этого холеного свиненка Филипка по имени-отчеству, да еще на «вы» или дать в зубы и послать куда подальше – вопрос даже не стоял. Еле живая гордость Бехтерева протестующе пискнула, когда на нее в очередной раз безжалостно наступили.

– Филипп Иванович, это Митяй все, самодеятель хренов, он же как лучше хотел! Нет здесь никакого снежного человека! Они здесь не водятся! Филипп Иванович, да остановитесь же вы наконец!

– А зачем? – глубокомысленно поинтересовалась удаляющаяся спина. – Снежного человека у вас нет...

– Так лешак-то есть!

Красовский остановился. В прищуренных голубых глазах, все еще недоверчиво-разочарованных, робко вспыхивали искорки зарождающегося интереса.

– Лешак! – Охотник поспешил раздуть слабые искорки до полноценных угольев. – Людей с пути сбивает, с ума сводит...

– Я прекрасно осведомлен, что значит «лешак», – перебил Красовский. – Вы мне сейчас на голубом глазу заявляете, что вон то бревно в клетке – это он самый и есть? Лешак?

– Ага!

Выпалив это идиотское «ага!», Бехтерев застыл, покорно ожидая реакции. Он был готов ко всему. Что Красовский рассмеется ему в лицо, покрутит пальцем у виска или даже залепит пощечину – в то, что Филипок способен на нормальный мужской удар, охотник не верил, – но в конце любого из этих сценариев – уйдет. Уйдет, оставив его с придурковатым Митяем и девятнадцатью годами поисков, засад, надежд, разочарований и всеобщего недоверия. Но Красовский поправил кепку и бодро кивнул:

– Что ж, давайте посмотрим, если так...

Суетливый Митяй так и ждал у клетки, обозревая бревно через залапанный видеоискатель.

– ...Я тоже сперва не верил, пока Степан Антоныч его не растормошил. Шустрая тварь, что твоя ракета! Кэ-э-эк бросится! Я чуть штаны со страху не намочил! Вы не смотрите, что он с виду бревно бревном...

Бехтерев поднял с земли длинную жердь, увенчанную на конце здоровенным, в полтора пальца, гвоздем, перепачканным заводской смазкой.

– Бревно – это не просто так. Внешний вид лешака – продукт тысячелетней эволюции, выработанный для охоты и безопасности. «Лешак колобродит» – слышали такое выражение? Самая распространенная история от лесных потеряшек: заблудился человек, идет-идет, выход ищет – видит, уж больно бревно знакомое! И тут же понимает, что мимо этого бревна уже раз пять прошел. Вот тогда наш потеряшка понимает, что все это время круги вокруг одного места нарезал. А на деле...

– А на деле? – повторил заинтересованный Красовский.

– Большая часть таких историй заканчивается тем, что потеряшка внезапно выходит-таки к людям. Хотя бревно говорило о том, что он все время топтался на месте. Кто с лесом накоротке не знаком, тому все кусты одинаковыми кажутся. А бревно – оно ж приметное, сразу в память западает. Вот и кажется человеку, будто кружит его какая-то сила, выйти из лесу не дает. А на самом деле это лешак идет за ним следом. Обгоняет и вновь на пути засаду устраивает. Решает, стоит нападать или нет. Лешак – тварюка осторожная.

– Так что, по-вашему получается, всем этим людям повезло? Встретились с лешаком и уцелели?

– Повезло как есть, – кивнул Бехтерев, осторожно просовывая жердь между прутьями.
– Знали бы вы, сколько людей в лесах ежегодно без вести пропадает... Вы от клеточки-то отойдите...

Митяй торопливо отбежал в сторону. Филипок последовал его примеру, брезгливо изогнув пухлые губы.

– Северные народы считали, что лешаки живность пасут. Кнутами якобы гоняют стаи волков, помогая им искать пропитание. Это не совсем так. Когда добычи на всех не хватает, лешак выдворяет со своей территории хищников. Не о них заботится, а о себе. Не перегоняет он их, а преследует. А вот про кнут почти правда...

Жердь с гвоздем зависла над бревном, точно журавль с непомерно длинной шеей.

– Давай, Степан Антоныч! – Митяй утопил затертую кнопку «гес».

Журавль с размаху клюнул бревно в какую-то, видимую только ему да человеку его направившему, точку. Едва лишь острие гвоздя коснулось ее, бревно «взорвалось». Наросты, сучки и то, что казалось обломанными ветками, сохранившими остатки листвы, вытянулись в стороны, хрустя высвобождающимися сочленениями. Из центра бревна вылетел гибкий жгут, со щелчком ударивший землю в двух шагах от перепуганного журналиста. Красовский отпрыгнул назад, причем не только умудрился удержаться на размытой земле, но даже принял некое подобие боевой стойки. Крутанувшись на месте, бревно мягко упало на многочисленные лапы, в беззвучном вопле раззявило дыру с острыми щепками зубов. По-паучьи перебирая отростками, существо сделало несколько кругов по стенам и потолку, после чего рухнуло посреди клетки.

– Класс, Степан Антоныч! – довольный Митяй оттопырил большой палец. – Отменная картинка получится!

Вытаскивая наружу обломанную жердь, Бехтерев внимательно следил за Красовским. Тот не выглядел удивленным или напуганным, и это вызывало смутное чувство тревоги, природу которого охотник объяснить не мог.

– Занятно, – кивнул журналист.

– Что, и все?! Просто занятно?! – Бехтерев не скрывал разочарования.

– Давно он у вас?

Раздражение в Бехтерева отчаянно боролось с желанием высказаться. Последнее победило за явным преимуществом.

– Я почти два года его выслеживал. Вернее, как... два сезона. Лешаки зимой в спячку впадают, их тогда вообще от бревна не отличить. Под Брянском случай был, когда охотники зимой такое бревно в костер бросили. Благо не пострадал никто. Но тот мужик, у которого я историю эту записывал, до сих пор заикается. Так что, да, два сезона, с апреля по ноябрь примерно. Повадки изучал, все его тропки-дорожки выведывал, как живет, что жует... А последнюю неделю, уже после поимки, все искал, как его растормошить. Он же как понял, что попался, так сразу шлангом и прикинулся... бревном то есть. Ну а вашему брату ведь сенсаций подавай. Чтобы движение, понимаешь... а тут... расстройство сплошное, а не сенсация... так что я...

Вид безучастной физиономии Красовского окончательно сбил Бехтерева с мысли, и завершил он невпадом:

– Так из какой вы газеты, говорите?

– Я разве сказал, что я из газеты? – делано изумился Филипок.

– А как же тогда... – промямлил Бехтерев.

Все в корреспонденте теперь казалось ему подозрительным – и блуждающая улыбочка, и цепкий взгляд, проникающий, кажется, до самого скелета, и даже то, как он смял кепку в кулаке.

«Ударит, – ни с того ни с сего промелькнула мысль, – отвлечет внимание и ударит».

Сразу стало неудобно. Женоподобный толстячок начал внушать Степану если не страх, то серьезные опасения. Хотя какая там опасность? Как противник Филипок был – тьфу, плюнуть и расте...

– А это ничего, что ваш друг так близко к клетке ходит? – Пухлая рука вытянулась, указывая за спину охотника.

«Хочет, чтобы ты обернулся! – панически взвизгнул внутренний голос. – Чтобы удобнее, прямо в висок, чтобы насмерть!»

Шейные суставы скрипнули. «Не смей!» – сигнальным огнем вспыхнуло в мозгу, но было уже поздно. Охотник смотрел, как вокруг ржавых прутьев, едва не залезая внутрь, восторженно скачет увлеченный съемкой Митяй. Время текло невыносимо медленно, и Бехтерев не сразу осознал, что никто не бьет его в беззащитный висок. По шее и щекам медленно поползла краска стыда. Чтобы хоть как-то замаскировать глупый испуг, Бехтерев начал забалтывать толстяка.

– Да вы не волнуйтесь! Я ж говорю, лешак – тварюка осторожная. На самом деле на людей они нечасто нападают. А что он по клетке скакал, так это... когда гвоздем, да в причинное место – еще не так заскачешь...

Повернувшись, охотник понял, что удар он все же пропустил. Похоже, еще в самом начале встречи. Гораздо серьезней и опасней, чем просто кулаком в висок. Не сводя с него пристального взгляда, Красовский разговаривал по сотовому. Негромко, но достаточно, чтобы Степан услышал, а услышав – похолодел.

– ...да, и Гузеева со спецтранспортом сюда, живо.

Голос Филипка изменился, стал безэмоциональным, пустым. Рабочим.

– Подтверждаю, реликтовое существо, по классификации Бэ-Ха двести – двести тридцать, если глаза мне не врут... Что за идиотские вопросы? Конечно, со средствами защиты – Бэ-Ха же!

– А вы не суетитесь, гражданин Бехтерев, – бросил он Степану.

Сказал между делом, но так, что сразу стало понятно – лишние слова и телодвижения ни к чему. Без них ясно – его сенсацию, его звездный час, его законную добычу сейчас нагло, но уверенно изымут. Составят протокол, заставят подписать какую-нибудь бумагу о неразглашении... быть может, даже заплатят, чтобы молчалось лучше. А после увезут и спрячут за семью печатями реальное подтверждение того, что все потраченные годы, принесенные жертвы и пережитые насмешки – не зря. Бехтереву хотелось залепить Красовскому в ухо... очень хотелось. Но сил в себе он не чувствовал. Руки безвольными тряпками повисли вдоль тела, а глаза безучастно наблюдали, как поляну заполняют невесть откуда взявшиеся рослые молодцы в камуфляже.

Они работали молча, слаженной деловитостью напоминая андроидов из старых фильмов про космос. Добавляя картине фантастичности, из леса выехал необычного вида фургон – черный! конечно же, черный! – похожий на бронированную грузовую «Газель». Видимо, тот самый «спецтранспорт». Филипок расхаживал вокруг клетки с видом Наполеона, коротко отдавая приказы.

Все закончилось нереально быстро. Клетка с лешаком исчезла в черной утробе «бронегазели», и машина, тяжело переваливаясь на кочках, поползла обратно. Следом за ней потекли молчаливые камуфляжные «андроиды», уже успевшие все измерить, отфотографировать и отснять на видео. Спустя несколько минут ничего не напоминало о недолгом триумфе Бехтерева. Исчезли даже обломки жерди с гвоздем, заботливо упакованные в прозрачный пластик равнодушными профессиональными руками. Никто не подсунул охотнику ни денег, ни бумаги с грифом «совершенно секретно». Его вообще не заметили, точно он – пустое место... Степан и сам чувствовал себя опустошенным. Выпотрошенной рыбой. Вот только его безжалостно лишили не внутренностей, а мечты. Ненавистный Филипок остановился у служебного авто.

– Степан Антонович, вы едете?

– Что вам еще от меня надо? – Бехтерев сам поразился бесконечной усталости, наполнившей голос. – Пытать будете?

– Дам ответы на интересующие вас вопросы. У вас наверняка ко мне куча вопросов, верно? Ну так что? Второй раз не предлагаю...

Рука Красовского приглашающе указала на открытый салон, и охотник решил. Он забился на заднее сиденье заляпанной грязью «Калины», рядом с Красовским, как бы ни было ему неприятно такое соседство. Потому что желание узнать ответы перевешивало все возможные неудобства. Стоя посреди истоптанной опустевшей поляны, Митяй ошалело смотрел им вслед.

* * *

В салоне было просторно, но Бехтерев постарался максимально отодвинуться от Филипка – задев «журналиста», он чувствовал себя, словно вляпался в дерьмо.

– Что с Митяем делать будете?

– О нем позаботятся наши специалисты, – туманно ответил Филипок. – Вы, кстати, знаете, что камера у него уже лет пять как нерабочая? Там даже кассеты нет.

– Знаю. У Митяя давно с головой неполадки. Тут в другом вопрос – вам-то об этом откуда известно?

Поджав губы, «журналист» долго буравил Бехтерева голубыми глазами и, наконец что-то решив про себя, сменил линию поведения.

– Как-то у нас с вами не заладилось. Предлагаю начать с чистого листа и еще разок познакомиться. Моя фамилия действительно Красовский. И звать меня на самом деле Филипп Иванович. Только я не журналист, а полковник... эм-м-м... правительственной организации, о которой обычным людям знать необязательно.

– Секреты секретничаем? – недовольно пробурчал охотник. – Ладно, дело ваше. А мне скрывать нечего. Зовут меня Степа, фамилия моя...

– Бехтерев, Степан Антонович, одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года рождения, – отбарабанил новоявленный полковник. – Образование педагогическое, высшее. Разведен. Детей нет. За минувшие пятнадцать лет около тридцати раз менял место жительства. Последнее место работы – Пушкинский лицей города Сумеречи. Уволен по собственному желанию...

– Вас и такое запоминать заставляют? – вяло удивился Бехтерев.

– Профессиональная привычка. Я про вас знаю абсолютно все. Даже то, что из лицея вас собирались уволить за прогулы.

– Это ради науки! – Уши Бехтерева запылали. – Я же не пьянствовал! Я криптид ловил!

– И это знаем. Именно благодаря вашим феноменальным успехам на этом поприще мы с вами сейчас и разговариваем.

– Да какие там успехи, – забывшись, Бехтерев едва не сплюнул под ноги. – За двадцать лет одного лешака поймал, и того ваши архаровцы отняли.

– Не скажите! На сегодняшний день на вашем счету двенадцать пойманных криптид. Это не считая лешака. И еще примерно столько же обнаруженных, но упущенных. Ну, что-то вроде вашего первого трофея.

Глаза Бехтерева округлились от удивления, а сволочуга Филипок знай себе улыбался, точно обожравшийся сметаны котяра.

– Свежи воспоминания, да? И у меня свежи – будто вчера было. Я тогда простым аналитиком служил. Вашего «волка» спецгруппа из десяти человек разрабатывала. Опытные сотрудники, снаряжение по последнему слову техники – тепловизоры, спутники, транквилизаторы, все дела... Год – го-о-од! – ловили! А потом пришли вы. С сетью и ржавым капканом...

Прошлое, старательно подавляемое все эти годы, вскрылось болезненным фурункулом. Слова полковника, оброненные мимоходом, полностью переворачивали мир Бехтерева. Старый промах, постыдный, унижительный, спустя годы оборачивался триумфом. Заныло в груди, и руки мелко затряслись от тени давнишнего страха. Вспомнилось, как, потеряв фонарик, бежал сквозь ночь, лишь благодаря свету низко висящей луны уворачиваясь от деревьев. Широко раскрытый рот судорожно глотал стылый ночной воздух, заплетались ватные ноги; разрывая грудь, колотилось испуганное сердце. А за спиной ревел, бесновался, пытаясь разорвать прочнейшую сеть, кто-то голодный, свирепый, с пылающими желтизной глазами-фарами. И только одна мысль не давала упасть, как на крыльях переноса через предательские кочки и поваленные деревья: он нашел! он поймал! есть доказательство! Впрочем, была и другая причина бежать что есть мочи. Очень уж жить хотелось...

Будто в другом мире случилось серое промозглое утро. И расчерченный сплетенными за ночь серебряными нитями паутины воздух – такой нездешний, такой нереальный. Хлюпала болотная жижа в высоких сапогах, противно ныли натруженные мышцы ног. Тряслась в руках старенькая двустволка, наведенная на скрюченное бледное тело, жалкое, беспомощное, тщетно пытающееся содрать с перебитой ноги стальные челюсти капкана.

Следующий месяц пролетел как в тумане. Громкое судебное разбирательство. Заголовки в местных и областных газетах – «Школьный учитель расставлял капканы на оборотней». Насмешки. Косые взгляды. Стыд, едкий, жгучий, точно спирт, которым он заливал досадный промах. Ловил волколака, а поймал электрика из ЖЭУ, тля зеленая! Повезло, адвокат попался ушлый. Сумел не только дело замять, но едва-едва не выставил жертвой самого Бехтерева. Спустя пару месяцев история забылась, затерлась в памяти человеческой, уступила место новым сенсациям и громким разоблачениям, однако нет-нет да аукался тот бедолага электрик. Однажды очередное «Эй, а это не ты ли оборотней под Тавровым гонял?» переполнило чашу терпения, и Бехтерев впервые в жизни сменил работу, а с ней и место жительства. Так началась нескончаемая череда переездов, съемных квартир и комнатух, новых размашистых записей в трудовой книжке, коротких знакомств и длительных поисков – кочевая жизнь во всей красе.

– Значит, я тогда его действительно поймал? – неверяще пробормотал Бехтерев, от волнения переходя на шепот. – Поймал волколака?

– Так точно, поймали, – благодушно улыбнулся полковник. – Вы – энтузиаст, любитель, новичок – сработали грамотнее и успешнее команды подготовленных профи! Ох и получили мы за вас нагоняй от начальства, Степан Антонович! Но благо было что предъявить, вашими стараниями. Вид трансформирующегося оборотня производит неизгладимое впечатление на кабинетных чиновников. Дров вы, конечно, наломали изрядно, пришлось оперативно вмешиваться, нажимать на определенные рычаги. Но в итоге все получилось лучше некуда. Дело ваше мы замяли. Вервольфа этого доморощенного аккуратненько изьяли – обставили все так, словно он сам из города уехал. Кстати, если будет желание, сможете с ним перекинуться парой слов, когда в Зверинец приедем.

– Куда? – тупо переспросил Бехтерев.

– Зверинец. Объект, где содержатся существа, подобные нашему любителю полной луны. Кстати, для лешака отдельный бокс отведен, созданы соответствующие условия. К нашему приезду уже и вселят, наверное...

Кое-что в словах Филипка не давало охотнику покоя. На самом деле покоя не давало абсолютно все. Информации оказалось так много, а сама она – настолько сенсационной, что голова шла кругом. Хотелось крепко обнять этого неприятного человека и разрыдаться от облегчения и невыносимого счастья. Конец одиночеству! Отныне то, за чем он гнался все эти годы, действительно существует! Но противное «кое-что» ворочалось в голове, как неуклюжий доисторический ящер в луже грязи. Сбивало с радостных мыслей, расталкивало их тучным бронированным телом, мешало наслаждаться победой.

– Вы сказали – двенадцать пойманных... – Костяшки сжатых кулаков заострились и побелели. – Как же это... двенадцать?

– Да-да, все вы правильно догадались. Пойманный экземпляр тут же изымался, прямо у вас из-под носа. Не поймите превратно, но на тот момент так было нужно. Производственная необходимость...

– Заменить сасквоча дохлой обезьяной – производственная необходимость? – зашипел Бехтерев.

И вдруг сам взревел не хуже того сасквоча. Двинул кулаком в сиденье, выплескивая гнев. Следующие минут пять Бехтерев молотил сиденье и дверь, топал ногами, орал и плевался, матом кроя Филипка и всю его таинственную контору. Красовский благоразумно отодвинулся, невозмутимо переживая истерику.

– Суки, а? Нет, ну какие же суки! – устало бормотал Бехтерев, по-детски посасывая кровающую костяшку. – Что вы за мрази такие? Я ж чуть с ума не сошел, чуть не рехнулся...

Состояние было: чуть подтолкнуть – заплачет. Губы зажили своей жизнью, то кривясь, подрагивая, то плотно сжимаясь. Бехтерев отвернулся к окну. Холодное тонированное стекло остудило воспаленный лоб.

– Не рехнулись же, – прагматично отметил Красовский. – Это друзья у вас через одного шизофреники, а сами вы человек психически здоровый. Наши специалисты за этим регулярно следят...

– Да идите вы к черту с вашими специалистами, – без энтузиазма ругнулся Бехтерев, сквозь тонировку разглядывая проносящиеся мимо машины. – Столько лет мне голову морочили, сволочи...

– Прекрасно понимаю ваши эмоции, Степан Антонович. Но, правда, перестаньте уже костерить наше ведомство. Когда доедем, я лично сторицей верну вам каждый год, что вы провели в неведении.

Оторвавшись от окна, Бехтерев впервые за всю поездку посмотрел на полковника как на человека, а не навозную кучу. Тот прижал холеную ладонь к сердцу и, улыбаясь с яркостью двухсотваттной лампочки, торжественно произнес:

– Обещаю и клянусь!

Автомобиль слегка качнуло на рессорах. Шоссе вновь сменилось разбитой лесной грунтовой. Остаток дороги проделали молча. Полковник не соврал – ехать пришлось действительно долго.

* * *

В погоне за паранормальным имелись свои плюсы. Перевалив за полсотни, Бехтерев по-прежнему был легок на подъем и крайне редко болел. Долгие пешие прогулки, многочасовые засады, исследования новых мест – все на свежем воздухе. Бехтерев неплохо стрелял, умело обращался с ножом, мог пробежать несколько километров, не сбив дыхания, и никогда не терял направление. В какую бы глухую тайгу ни забрался, в какие бы непролазные топи ни зашел, свободное ориентирование на местности и цепкая топографическая память всегда выводили его к людям.

Дорогу до Зверинца Бехтерев запоминал урывками, смутно понимая, что везут его куда-то на север. Но чем ближе становилась таинственная база, тем чаще сбоило врожденное умение. Предстоящее знакомство с целым заповедником загадочных тварей мешало сосредоточиться. Бехтерев мельком отмечал интересные детали. Охрана на пропускном пункте – не сопливые срочники, а закаленные бойцы с цепкими, внимательными глазами. Вместо «колючки» – высокие бетонные стены. Стрелковые вышки в ключевых точках. Множество блокпостов даже

внутри периметра. На каждом – сканер сетчатки глаза. В другое время уже сама эта процедура произвела бы на него неслабое впечатление, но сейчас казалась лишь досадной помехой.

«Калина» неторопливо ехала мимо вытянутых казарм, загадочных куполообразных строений, ангаров. Мимо просторного пустого плаца. Мимо пулеметов, свивших гнезда среди мешков с песком. «Дальше, черт возьми! Дальше! Быстрее!» – хотелось заорать Бехтереву. Когда же машина остановилась около ничем не примечательного ангара, он испытал легкое разочарование. С десятков подобных зданий они миновали по пути сюда. Отчего-то Бехтереву казалось, что Зверинец должен выглядеть иначе. Как именно, он и сам не знал, но уж точно не как скучная бетонная коробка с двускатной крышей.

Внутри «коробка» оказалась пустой. Глаз цеплялся разве что за открытую платформу устрашающих размеров и площади.

– Это грузовой, нам чуть дальше, к пассажирскому, – бросил полковник, привычно следуя в глубь ангара. – Когда проектировали, предусмотрели свободный въезд любого грузового транспорта, – пояснял он по пути. – А то экземпляры попадаются крупные, и очень крупные, и даже гигантские. Терять им нечего, так что ведут они себя крайне агрессивно. Мы свели риск к минимуму: отказались от промежуточных погрузок-выгрузок. Каждая криптида доставляется прямиком к боксу.

Небольшой пассажирский лифт – не платформа, а настоящая кабина – притулился к стене в дальнем углу. С виду обычная пристройка, подсобное помещение, но двери металлические, и уже знакомый сканер сетчатки, небрежно встроенный в грубую бетонную стену. Красовский подставил зрачок невидимым лучам, и створки бесшумно разъехались в стороны.

– Сейчас мы с вами опустимся в самое сердце Зверинца. Я лично проведу вам небольшую экскурсию, поверхностно ознакомлю с работой нашего подразделения. По окончании – фуршет, баня, продажа сувениров и магнитиков на холодильник.

Бросив взгляд на вытянутую физиономию охотника, Красовский захихикал. Лифт скользнул вниз плавно, но быстро.

– Пять лет назад мы бы спускались по лестнице. Большая часть технических новинок – моих рук дело. Удалось наконец выбить из начальства приличное финансирование, – полковничий голос сочился самодовольством. – К тому же тренд нынешней власти... ну, знаете – инновации, нанотехнологии – очень даже на руку. На техническое оснащение давать стали охотнее. Что, впрочем, не умаляет ваших заслуг. Наглядные, живые доказательства нашей работы, добытые в том числе и благодаря вашим наводкам, Степан Антонович, на порядок эффективнее, чем фото- и видеоматериалы. А ведь было время, когда захваченная мертвой криптида считалась в нашем подразделении невероятной удачей. Тогда о таком проекте, как Зверинец, и помыслить никто не мог. Не говоря о том, чтобы этот проект растиражировать...

– А есть еще? – осторожно поинтересовался Бехтерев.

– Преимущественно на Севере и Дальнем Востоке. Меньше людей, больше шансов встретить осколки старого мира. Вам ли не знать, Степан Антонович? Вы ведь и сами три года в Красноярском крае прожили. У них, кстати, крупнейший Зверинец в стране. А по некоторым данным, – Красовский заговорщически подмигнул, – и в мире! У них под Енисеем даже специальные боксы для водных тварей...

Уточнять про мир Бехтерев не решился. Ему и без того не слишком нравилась подозрительная откровенность полковника. Простейшая логика подсказывала, что выходов из этого подземелья у него только два. Один из них в мешке для трупов, а вот второй... отчего-то думалось, что второй еще хуже.

Долго обкатывать эту мысль не пришлось: двери лифта открылись, и Бехтереву показалось, что он попал на космический корабль. Широкие коридоры, чистые и светлые, убегают вдаль, изгибаются, пересекаются друг с другом, образуя упорядоченный лабиринт, с высоких потолков льется мягкий свет люминесцентных ламп, под ногами металлические решетчатые

листы. С шипением разъезжаются толстые двери-перегородки, деловито сует научный персонал, похожий на муравьев в белых халатах, охрана на блокпостах пристально вглядывается в мониторы, и трудно поверить, что такая бурная жизнь протекает под землей.

Уверенно ориентируясь в хитросплетении коридоров, Красовский шел мимо просторных круглых отсеков, каждый из которых, точно гигантский пирог, был поделен на неровные куски прочными дверями со смотровыми окошками. Оттрафареченные надписи на дверях привели Бехтерева едва ли не в священный трепет. Ведь если есть «бокс № 44», значит, где-то имеется еще сорок три бокса?

– В сорок четвертом у нас, кстати, тот самый сасквоч, с семейством, – на ходу кивнул Красовский. – Вы тогда жоака выследили, а уж найти остальную стаю – дело техники. Две молодые самки и три детеныша. Третий, к слову, родился уже у нас.

Степан неразборчиво пробормотал что-то под нос, но полковник услышал и переспросил:

– Что, простите?

– Я спрашиваю, зачали они его тоже у вас?

– Это вы в самую точку, Сергей Антонович! Когда мы их брали, одна самка уже была на сносях. В неволе они размножаться отказываются...

– Самого-то, поди, в клетке трахать и стрекалом не заставишь... – буркнул Бехтерев. Но в этот раз полковник не услышал. Или сделал вид, что не услышал.

– А вот здесь задержимся! – жизнерадостно пропел он, выводя Бехтерева в очередной круглый отсек. От предыдущих новое помещение отличалось размерами и полным отсутствием дверей. – Каюсь, очень хочу вас впечатлить!

Охотник непонимающе огляделся, выискивая, чем бы впечатлиться. Вокруг лишь ровные голые стены, аккуратно покрытые белой краской. Красовский лукаво подмигнул и многозначительно ткнул пальцем под ноги. Бехтерев наклонился вперед и обомлел. Задумка полковника удалась в полной мере – впечатлил по самое не могу.

Под ногами, отделенный решетчатыми переборками, показавшимися вдруг такими тонкими, спала живая гора. Невероятных размеров куча плоти, с руками толщиной в три обхвата каждая, с массивным горбом, украшенным наростами и костяными шипами.

– Кх... кто... это? – от волнения перехватило дыхание. В существование великанов Бехтерев, при всей лояльности к мифическим существам, не верил и сам.

– Знакомьтесь – волот! – с гордостью представил монстра Красовский. – По нашим данным – последний живой экземпляр. Сейчас, правда, проверяется одна наводка на Северном Кавказе, но шансы мизерные. Два раза в одну воронку, как говорится... Этого-то случайно обнаружили. Проводили взрывные работы при строительстве тоннеля в Абхазии, нашли пещеру, а там – оно. У волотов любопытнейший метаболизм: они, как медведи, впадают в спячку, только спать могут и год, и десять, и даже более. Этот, по нашим данным, спал без малого три сотни лет. Если верить местному фольклору, конечно.

– Не-ве-ро-ят-но!

Бехтерев присел, жадно пожирая волота глазами. До чудовища было не больше пяти-шести метров. На фоне спящего гиганта все переживания сделались мелкими и ничтожными.

– Как же вы его сдерживаете, махину такую?

– С трудом, если честно. – Красовский пожал плечами. – Травим снотворным потихоньку. Иначе никак. За ним четыре специалиста закреплены, дежурят посменно, обеспечивают своевременную подачу газа. Очень важная и опасная работа. Очухивается эта тварь поразительно быстро. Чуть недодал снотворного – пиши пропало! На поверхности, на случай прорыва, два танка дежурят, но это больше для спокойствия высокого начальства. Мы не вполне уверены, что его можно убить. Эту тварь четыре вертолета газовыми бомбами забрасывали – еле свалили.

Глядя, как вздымаются и опадают могучие плечи, Бехтерев недоверчиво покачал головой.

– Ну что, насмотрелись? – прервал созерцание полковник. – Давайте, как и обещал, наведем вашего давнего знакомого и вернемся на поверхность. Нам еще предстоит небольшой разговор.

Вновь замелькали коридоры, деловитые люди, двери, боксы, повороты. Иногда полковник на пару секунд заводил Бехтерева в какое-нибудь помещение, вкратце рассказывая о назначении, и тут же волок дальше. Вот видеолекторий. Два десятка будущих ловчих просматривают фильм о повадках и местах обитания олгой-хорхоя, мифического пустынного червя. А вот библиотека, оснащенная по последнему слову техники. Большая часть литературы под грифом «секретно». А здесь... Бехтерев не сразу поверил в увиденное – настоящая операционная: ярчайшие лампы, хромированные инструменты, белизна стерильно чистой ткани... Вот только растянутому на столе существу явно не аппендикс удаляли. Нечеловечески длинное, лишенное растительности серое тело с разрезом от груди до живота уверенно потрошили четверо в белых халатах.

Голова шла кругом. Мозг не успевал переваривать то, что видели глаза и слышали уши. Спеша за Красовским, уже не особо слушая, что там вещает этот надутый индюк, Бехтерев впитывал дух Зверинца, сатанея с каждой минутой. Все оказалось хуже, чем виделось изначально. Это место – не заповедник. Эти люди – не добрые лесничие.

К реальности его вернул самодовольный голос полковника:

– Вот, собственно... здесь ваш знакомец и обитает.

Краска трафарета на типовой двери изрядно выцвела, но читалась без труда: «Бокс № 1». От волнения у Бехтерева пересохло во рту.

– Действительно первый?

– Нет, были и до него живые экземпляры. Но ваш электрик-оборотень стал для нашего ведомства ключевой точкой. Это ведь после него нам финансирование потоками пошло. Вот и держим здесь, как дань заслугам.

– А почему... почему как зверя? До полнолуния ж еще...

– Ну, это уже другой повод для гордости! – Красовский игриво погрозил пальцем. – Наш научный сектор три года бился, устраняя зависимость от лунных циклов. Строго говоря, успех частичный, подопытный теперь постоянно в измененном состоянии. Но ведь прорыв, согласитесь?! В идеале – создать некий препарат, позволяющий трансформироваться и нормальным людям. Заказов от спецслужб – выше крыши! Жаль, но в измененном состоянии сохраняется высокий уровень агрессии. Наши высоколобые пока не разобрались, как с этим бороться... Так что, хотя ключи всегда при мне, – он с улыбкой постучал указательным пальцем по уголку глаза, – внутрь не пуцу, и не просите.

От его жизнерадостности Бехтерева наконец прорвало. Глядя исподлобья, он зло выпалил:

– Вы меня зачем сюда привезли? Живодерами своими хвастаться? Концлагерь этот чертов рекламировать?

– Я пригласил вас, чтобы предложить работу вашей мечты. – Филипок великодушно пропустил мимо ушей и «живодеров», и «концлагерь». – Вы потрясающий теоретик, Степан Антонович, а вашей практике все мои полевые работники завидуют. Но, самое главное, вы ведь сами своего рода криптида – редкий, уникальный специалист, влюбленный в свое дело. Вас, таких, – днем с огнем не сыщешь! Как вы мне про лешака задвигали, а? Да мой институтский преподаватель по криптозоологии вам в подметки не годится! А он, надо сказать, сорок лет этому делу отдал, награды правительственные имеет... У вас, ко всему прочему... чутье, что ли? Вы же всю эту чертовщину чувствуете, как Шариков кошек! И, естественно, я хочу...

– Да понял я, отчего вы тут соловьем заливаетесь, не дурак.

На Бехтерева нахлынула такая лютая злоба, что заскрипели зубы. Перед внутренним взором встали андроидоподобные молодцы, методично подчищающие за ним последние лет десять. Идущие по пятам. Отнимающие находки, трофеи, добычу. Отнимающие истину, не только у него – у всего человечества.

– Вы мне лучше скажите, гражданин начальник, почему вы решили, что я на все это подпишусь?

– А куда ж вы денетесь с подводной лодки? Вольетесь в нашу работу – и получите все самое лучшее. Людей, оборудование, доступ к такой информации, за которую ваши коллеги души прозакладывают. Откажетесь – продолжить изыскания я вам не дам. Перекрою кислород где только смогу. А смогу я много где, вы уж мне поверьте.

– То есть вы предлагаете мне стать поставщиком мяса для ваших гестаповских застенков?

– Да что ж вы за баран такой упертый! – взорвался наконец Красовский. – Возможность заниматься любимым делом и неограниченный доступ к уникальной информации – вот что я вам предлагаю!

Лицо полковника побагровело. Шумно выдохнув, он демонстративно повернулся к камере и приник к смотровому окошку.

– У вас минута, – бросил он за спину, – определяйтесь быстрее.

И уже тише, себе под нос:

– Весь день на него угробил, мало что не расстелился, а он мне... «гестапо»! Моралист, етить твою мать!

Действовать быстро, решительно, жестко. Иначе без шансов. Это Бехтерев понял за доли секунды. Женоподобный Филипок, давно сбросивший личину истеричного журналиста, уже не казался медлительным пухлощеким рохлей. Не будет времени. Секундочки лишней не обломится.

Как обычно в экстремальной ситуации, тело решило все быстрее головы. Рука скользнула под куртку, нащупывая на ремне маленький чехол, ускользнувший от не слишком пристальных глаз охраны. Пальцы цепко сомкнулись на непривычной рукоятке кулачного ножа. Бехтерев мельком отметил, что ладонь сухая и не дрожит совсем. Со стыдом вспомнил, что считал подарок Митяя игрушкой, баловством, носил, только чтобы товарища не обидеть. А вот ведь как обернулось...

Время вышло. Бехтерев прекратил думать и воткнул широкое зазубренное лезвие Красовскому в шею. Прямо в яремную вену. Буднично так воткнул, словно дома, тренируясь на размороженной куриной тушке. На этом сходство закончилось.

Красовский оказался отменным бойцом. Рана едва успела плюнуть красным, горячим, а он уже развернулся в молниеносной контратаке. Ничего подобного Бехтерев ранее не видел. Хрустнуло запястье, безвольные пальцы выронили нож, тут же чудом перекочевавший в руку полковника. Прижатое к щеке плечо спасло шею, а пробитая насквозь левая ладонь – сердце, но живот и пах защитить было уже нечем. Снова и снова, как заведенный, Красовский повторял смертельную комбинацию – шея, грудь, живот, пах. Он походил на какое-то темное языческое божество, обожравшееся кровью. Страшный, окровавленный, умирающий полковник простоял на ногах непозволительно долго. Последний удар, слабый и беспомощный, пришелся Бехтереву в живот, после чего противники повалились на пол. Уже в падении, почти безжизненный Красовский ввинтил в охотника нож, будто заводил пружинный механизм. Придавленный Бехтерев наконец истошно заорал. Боль прорезалась сразу отовсюду, и было ее столько, что хватило бы сотне человек. Но еще больше, чем боли, в крике этом было страха: что не останется сил, что все – зря и что подохнет он сейчас вот так, не за фунт изюму, истечет кровью, как недорезанная свинья, так и не успев исполнить задуманное.

Вторя ему, с потолка коридора громогласно завывала сигнализация.

Щедро залитый своей и чужой кровью, Бехтерев с трудом столкнул с себя грузное полковничье тело. Только не смотреть – успел подумать и тут же посмотрел. В животе, чуть пониже пупка, похожий на рукоятку штопора, торчал кулачник. Нож двигался в такт неровному дыханию, мелко подрагивая. Агония тут же усилилась многократно, но, к счастью, времени не оставалось уже и на нее. Наступила полная отрешенность. Разом перегорели все нервы, обессточились болевые точки. Обостренным восприятием Бехтерев ощущал, как дребезжат мелкоячеистые решетки пола под десятком пар армейских ботинок. Чувствовал, как скользят пальцы на влажной рукоятке ножа. А вот распознать свой истошный вопль в оглушающей какофонии уже не сумел. Ноги сучили по полу, кровь на лице размыло слезами, крик нарастал, иногда перекрывая сирену, но чертово лезвие ползло со скоростью престарелой улитки. Наконец, со злобой мелкого хищника вырвав кусок мяса, нож с чавканьем покинул тело. Вслед ему стрельнул короткий фонтанчик крови.

Успеть. Только бы успеть!

Встать на ноги он даже не пытался. Знал – не сдюжит. Поднять Красовского – тоже непосильная задача. Оставалось одно. Тяжело перекатившись на бок, Бехтерев навалился на мертвого полковника. Остекленевшие зрачки смотрели без ненависти, скорее удивленно, не в силах поверить в то, что задумал охотник.

– Прости, господи, – выдохнул Бехтерев.

Очень хотелось перекреститься, да только время, проклятое, ускользающее время... Бесцеремонно, прямо сквозь веко, охотник вырезал изумленный глаз Красовского. Правый.

Оставляя за собой красный смазанный след, ужом дополз до двери бокса. Кое-как, по стеночке, приподнялся на колени. Шлепнул трясущейся рукой по сканеру, прижимая к нему окровавленный скользкий ключ. Долгую секунду ничего не происходило. Затем замок резко обиженно рывкнул, отказывая в доступе. Забыв про боль, Бехтерев взвыл от досады. Не сработало!

Топот нарастал – мерный, монотонный, почти убаюкивающий. Профессионалы приближались, чтобы снова тщательно подчистить за наследившим любителем. Уничтожить доказательства, изъять улики. О да, в чем в чем, а в изъятии они настоящие мастера! Смогут – возьмут живьем, не смогут – уничтожат на месте. Впрочем, снявший голову Бехтерев не видел смысла оплакивать волосы. Он прекрасно знал, что умирает, и держался на одной силе воли.

– Давай же! Давай, сука ты бездушная! – ругал он несговорчивую электронику, возюкая по ней полковничьим глазом. – Давай, падла!

В какой-то момент догадался взглянуть на ладонь и хрипло рассмеялся. Перевернул глаз, сжал пальцы, будто сам себе с ладони подмигнул. За спиной неслышно рассредоточились подоспевшие бойцы. Пока не стреляют, оценивают ситуацию, но пальцы на спусковых крючках, а предохранители сняты – Бехтерев хребтиной чуял.

– Поднимите руки, – голос молодой, выхолощенный. – Без резких движений, так, чтобы я их видел.

Поднимать сразу обе руки оказалось невыносимо тяжело, но Бехтерев справился. Медленно развернулся вполоборота, чтобы увидеть тех, кого собирался убить. Пятеро, с автоматами на изготовку. Пока пятеро. Не мальчишки, рослые, крепкие, похожие друг на друга, как гвозди в магазинной упаковке. Такие не за страх, а за совесть служат. Таких не жалко. Простите, ребята, ничего личного!

– Здравствуйте вам! – Бехтерев оскалился в жутенькой кровавой улыбке и «без резких движений» приложил глазастую руку к сканеру.

Охрана оказалась натасканной. Никто не стрелял в Бехтерева нарочно, все стволы сосредоточились на двери, откуда остро тянуло мокрой шерстью и аммиаком. Затрещали автоматные очереди, мелькнула размытая серая клякса, кто-то вскрикнул испуганно. Вырвавшийся оборотень взревел, принимая на себя большую часть свинцового роя. Большую, но не всю.

Одна пуля с чавканьем впиалась Бехтереву в плечо. Рухнув лицом в пол, он не видел, что происходит, и был этому страшно рад. Отсек наполнился звериным ревом, предсмертными воплями и мерзким треском рвущегося мяса.

Крики затихли быстро, и Бехтерев потратил последние силы, чтобы перевернуться с живота на спину. Подышать, уткнувшись мордой в пол, жуть как не хотелось. Лицо обдало горячим дыханием, перед глазами замаячила уродливая, покрытая линиялой шерстью голова человековолка. Той ночью Бехтерев едва успел разглядеть это фантастическое создание, но желтые глаза, горящие фарами даже в освещенном помещении, запомнил хорошо. За лобастой башкой вздымался лохматый горб, из которого росли деформированные, перевитые мышцами руки-лапы. Вытянутая, утыканная пожелтевшими клыками пасть резко контрастировала с человеческими ушами. В левом, похожая на серьгу, болталась бирка с номером. Первый.

– П-прос-ти, – прошептал Бехтерев, и оборотень наклонился, прислушиваясь. – Прости... я ж не зна-ал...

Горло исторгло мучительный кровавый кашель. Думать становилось все труднее. Немигающие желтые зрачки качались в воздухе, прожигая насквозь, до самого дна души. Сейчас самой важной вещью на свете стало доверие этого уродливого зверомонстра. Бехтерев очень хотел, чтобы оборотень поверил ему.

– П-рос... мя-а-а, – отяжелевший язык еле ворочался.

Бехтерев знал, что оборотень тянется к его горлу, и был готов умереть. Сжималось сердце, да по позвоночнику ползли мурашки, но он был готов, правда. Однако вместо резкого рывка и острой боли Бехтерев почувствовал, как волколак осторожно лизнул его в щеку гладким холодным языком. Длинные, покрытые шерстью пальцы с раздутыми костяшками разжали ладонь охотника, вынимая из нее окровавленный ключ. Бехтерев открыл глаза, уставился в потолок, мерцающий люминесцентными лампами. Никого.

Вопила оглашенная сирена, и в ее голосе чудились истеричные нотки. Издалека долетал треск автоматных очередей, раскатистое рычание и перепуганные крики. Бехтерев собрал остатки сил, перекаtywаясь на живот. Упираясь локтями в пол, он поволок свое израненное тело к остывающему полковнику. У Красовского остался еще один глаз, а в отсеке – с десяток закрытых боксов. Если повезет, в одном из них держат птицу Сирина, которую он поймал лет восемь назад. Перед смертью ему хотелось увидеть ее еще раз.

* * *

В какой-то момент начали сходитьсь переборки, отсекающие рукава коридоров и боксы друг от друга. Начали, да так и застыли, не сомкнувшись краями. Кто-то умный там, за главным пультом управления, попытался в спешном порядке обрубить хвосты. Невидимый кто-то просто не знал, на какую скорость способен оборотень, пятнадцать лет не видевший лунного неба.

Широкий пульт и многочисленные мониторы размашисто, веером, покрывали густые потеки крови. Охранные камеры исправно подавали сигнал даже на разбитые экраны. Зверинец неумолимо поглощал ночной кошмар, ставший реальностью. Объединенные общим врагом, разумные нелюди ожесточенно мстили. За все.

На пяточке перед боксом Б-1, возле раскрытой двери, прислонившись к стене, сидел Степан Бехтерев, охотник за паранормальными существами, криптозоолог и признанный городской сумасшедший. Рядом с ним, по-собачьи свернувшись у ног, лежало огромное уродливое существо, похожее на волка и человека одновременно. Оно нервно прядало ушами, прислушиваясь к еле уловимому гулу, идущему снизу. Пол и стены Зверинца ощутимо дрожали.

* * *

К полуночи, ломая толстенные бетонные перекрытия, волот пробился наружу. Похожая на разворошенный муравейник база встретила его пулеметным огнем и разрывами гранат. Расшвыривая обломки Зверинца, сметая с пути перепуганных людишек, втаптывая в землю боевую технику, гигант в считанные минуты сравнял воинскую часть с землей. Покойный полковник оказался прав: дежурящие танки всего лишь отвлекли его, совсем ненадолго. Не привыкший выбирать дорогу, волот ломанулся сквозь лес, оставляя за спиной широкую просеку поваленных деревьев. После нескольких сотен лет сна невероятно хотелось жрать, и вывернутые ноздри жадно втягивали воздух, ловя знакомый сладкий запах. Мяса было много и совсем близко, на севере. Волот отлично помнил вкус человеческого мяса.

Из подземного пролома, как черти из ада, выпрыгивали, вылетали и выползали пленники Зверинца. Одни тут же исчезали в лесу, другие осторожно ступали на проторенный волотом путь, следуя за великаном, как пехота за бронетехникой. Миф устал от неверия. Сказка наступала на реальность, чтобы зубами и когтями вырвать свое право на жизнь.

Иней на лицах

Харысхан якут, хотя косит под японца. В Кедрачах он что-то вроде знаменитости. Непьющий якут само по себе диво, а уж с вычерненной челкой до подбородка и рукоятью катаны за спиной – диво дивное. Жертва дешевых пиратских дисков с аниме и недавно пришедшего в Кедрачи мобильного интернета. Из местной молодежи он единственный вызвался проводить нас дешевле, чем за пять тысяч.

– Не, я с вами не полезу! – твердо отсекает Харысхан. – Мы не так договаривались!

Макушкой он едва достает Кэпу до ключицы.

– Да помню я, как договаривались, ну!

Кэп морщится, вкладывая в протянутую ладонь три зеленые купюры. Понимает, что там от якута толку не будет, но все же недоволен, что не вышло сманить проводника с собой. Иван Капитанов, Кэп, – старший «Криптопоиска», – бел, высок, широкоплеч. Неухоженная борода лопатой и собранные в хвост волосы делают его похожим на попа. Даже голос под стать, раскатистый, напевный.

– А то, может, все же, а? Ты в тайге вон как лихо ориентируешься! Деньжат накинём, ты не думай...

Что правда, то правда, в лесу Харысхан как рыба в воде. Гены предков-охотников не задавишь пятью годами увлечения аниме. Несколько секунд он мнет деньги в кулаке, мнется сам, но все же отрицательно трясет челкой.

– Не-не-не! – боясь передумать, тараторит он. – А ну, как там не тайга? Может, там джунгли? Или море? Или вообще в космос выбросит? Ты знаешь, не?! Вот и я не знаю!

– Давай, Хан! Не ломайся, не целка...

Слушаю уговоры краем уха. Эти мелочи меня не интересуют. Харысхан и Кэп плавно исчезают за кадром. В моих руках цифровая камера, и я записываю Историю. Именно так, с большой буквы.

«Криптопоиск» разбивает лагерь. Братья Черных, Кирилл и Яшка, растягивают тент, собирая некое подобие штаба. Удивительно, как преобразились эти дредастые охламоны в поле. Движения скупые, точные. Опыт за клоунской внешностью не спрячешь. Еще один поисковик, Костик, татуированный бугай в растянутой борцовке, таскает под навес рюкзаки из стоящей рядом «буханки». Носит по несколько штук зараз, значит, внутри что-то легкое.

Камеру как магнитом тянет к центру поляны. Мучительно хочется по-детски протереть глаза кулаком, отгоняя морок. Большие пушистые хлопья, напоминающие белых шмелей, сыплются прямо из воздуха, с высоты человеческого роста. На поляне безветренно, но снежинки закручиваются штопором, пытаясь откупорить небо. С высоты четырех-пяти метров, утратив импульс, они медленно планируют на пыльную зеленую траву.

Посреди поляны образовалась снежная подушка, сверху мягкая как перина, снизу твердый подтаявший снег. Битва уюга и холодильника. Или, скорее, холодильника и доменной печи. Земля напиталась водой, стала влажной. Пар колеблет воздух, дрожит маревом. Какой,

к чертям собачьим, снег, когда в тени плюс двадцать четыре?! Никакой веры глазам, на камеру вся надежда!

Ставлю паузу, осматриваюсь. Никак не могу понять спокойствия поисковиков. Мельтешат, деловитые как муравьи, точно каждый день видят зиму посреди лета и немало от этого устали. Кэп безуспешно уговаривает Харысхана. Костик ковыряется в недрах машины. Черных увлеченно потрошат рюкзаки, извлекая на свет...

– Р-ребят, это че?.. – с трудом преодолеваю внезапное косноязычие. – Мы туда, что ли?..

Черных обидно ржут, раскладывая на пенках комплекты зимних вещей: пуховики, полукombineзона, унты и мохнатые шапки, шерстяные перчатки и свитера. Бросив Харысхана, подходит Кэп.

– А я тебе, Малой, что говорил? Теплую одежду бери, говорил. Холодно будет, говорил. – Кэп загибает короткие грубые пальцы. – Чехол-то хоть взял, режиссер хренов?

Непросто быть самым младшим в группе, тем более в такой. Кэпу под сорокет уже, Костику около тридцати. Черных по возрасту где-то между ними. В этом составе они исколесили всю Россию от дальневосточной тайги до Кавказских гор. Бывали в Гоби, Сахаре и джунглях Амазонии. Ходили под парусом, ездили на джипах, снегоходах и даже верблюдах. Так что малым, мелким и прочими прозвищами меня кличут заслуженно.

Не, я не слабак какой. В свои двадцать один первый разряд по туризму и по боксу третий имею. Но куда важнее, что я профессиональный оператор и монтажер. Да, все еще учусь, третий курс, но два года практики на местном ГТРК что-то да значат. Для ребят это ценно. И, глядя на падающий из щели снег, я понимаю – насколько.

– Я думал, ты шутишь. – Смотрю на Кэпа как баран на новые ворота.

Подошедший Костик впихивает мне в руки здоровенный рюкзачище.

– Должен будешь, – ворчит он. – Цени, малёк, заботу старших!

Внутри толстый пуховый комбинезон и унты. На дне – мелкие походные вещи: фонарь-налобник, складной нож, кружка, шерстяные носки и еще без счета всякого, нужного и не очень. Там же нахожу зимний чехол для видеокамеры. Я все еще не верю.

– Ребят, мы что, *реально* туда пойдём?

– Не дрейфь, малёк! – голос Костика глеет злым весельем. – Замыкающим пойдешь.

Обливаясь потом, начинаю натягивать комбинезон. Под тентом располагается Харысхан. Достает точильный камень, вынимает из ножен катану и начинает править. По сравнению с нами он выглядит почти нормальным.

* * *

Цифровая камера весит немного, не то что профессиональные бетакамовские «соньки» с практики, но со штативом, в зимней одежде управляться с ней не очень удобно. Руки трясутся, пока я снимаю, как ныряют со снежной подушки, проваливаясь в никуда, поисковики. Помню, как сам иду по хрустящему насту, с испариной на лбу и бешено колотящимся сердцем... и вдруг – бах! – морозным воздухом по лицу! Да так, что щеки онемели!

Отклеиваюсь от видеокамеры, чтобы своими глазами взглянуть, убедиться, что это не камера чудит. В доли секунды, что потребовались для этого крохотного неуверенного шага, пролетели остатки лета, незамеченной промчалась осень и наступила зима. В воздухе стоит запах озона и хвои. Я тру глаза кулаком. Шерстяная перчатка наждаком сдирает кожу, аж слезы наворачиваются, но все остается неизменным.

Впавший в спячку лес чернеет исполинскими елями, чьи верхушки вонзаются в брюхо низкому серому небу. Из ран обильно сыплется крупная снежная икра, оседающая на игольчатых лапах, кустах, на красных комбинезонах, таких нереальных посреди девственно белого пуха.

– Ээээээй! – орет Яшка.

– Ээээээй?! – мрачно переспрашивает удивленное эхо.

К его раскатистому гулу присоединяются остальные – кричат, смеются и громко, вдохновенно матерятся. Костик черпает снег и подкидывает вверх, лоя улыбающимся лицом. Кир с братом в борцовском захвате падают в рыхлые сугробы, только снегоступы мелькают в воздухе. Еще недавно такие отстраненные, эти суровые щетинистые лесовики прыгают и ходят на голове. Потому что нашли наконец. Потому что все – не зря.

– Снял? Снял?! – Кэп трясет меня за плечо. – Ты это снял?!

Он обводит рукой заснеженные просторы. Индевеющая борода воинственно топорщится, лезет в объектив. Как во сне, я жму паузу, отнимаю камеру от лица и восторженно выдыхаю:

– Снял!

* * *

Выдвигаемся неспешно. Подтягиваем ремни и крепления, подгоняем лямки рюкзаков. Кэп поудобнее устраивает на плече «тигрулю» – устрашающего вида карабин, наше единственное огнестрельное оружие. В магазине экспансивные пули. Кэп говорит, что такая штука даже медведю башку разнесет, как гнилой арбуз.

Черных приматывают к ближним елям сигнальную ленту, захочешь – мимо не проскочишь. Костик, встав в голове колонны, машет рукой – «двинулись!» Снегоступы оставляют длинный взрыхленный след, словно гигантская гусеница проползла, однако через каждые сто шагов Яшка привязывает к веткам сигналку. Повторять судьбу Гензеля и Гретель никто не хочет.

Закинув штатив на плечо, плетусь в хвосте. Снимаю мало – берегу аккумуляторы. Да и нечего пока снимать. Только голые деревья и снег, снег, снег, бесконечный снег. А на нем – красные пуховики впереди идущих. Молчание тяготит.

– Кэп... – спрашиваю я. – Эта... штука... откуда она вообще?

– Проход-то? – Кэп оборачивается, зыркает синим глазом. – Он, Малой, всегда здесь был, похоже. Аборигены о нем поголовно знают. Мы ж как это место нашли? Ща ведь в каждой сельской школе интернет есть. Вот шкет один, из тутошних, в сеть видео и слил...

– Да ладно? – перебиваю недоверчиво. – А вы сразу и поверили?

– Не сразу, не! Видео поганое, мобильник у пацаненка старенький. Юзвери поржали, поругались, мол, спецэффекты убогие, да и забили. Ну а мы нет. Три года местные легенды собирали. Костик вон с двух работ вылетел, так часто к аборигенам мотался.

В невесомом пушистом снегу ноги тонут по щиколотку. Колючие лапы норовят шлепнуть по лицу. Непривычно горят искусанные морозом щеки. Окружающая реальность никак не укладывается в голову. Внутренние часы упрямо показывают лето, заставляя организм сходиться с ума.

– Если он здесь столько лет, то почему никто не знает? Телевидение там, военные, правительство? Кэп, это же бомба! Почему тут только такие...

Вовремя осекаюсь, но Кэп все понимает и не обижается.

– Только отмороженные, вроде нас, да? – Он добродушно щерится. – Так это, братец, мир так устроен. Есть границы привычного, есть границы реального. Интернет, как ни странно, их не сильно раздвинул. Если кто-то выкладывает видео, которое рушит твоё представление о реальности, значит, что? Прааально! Значит, это нереально!

Следуя за группой, аккуратно переползаем через поваленное дерево. Покрытый грубой корой ствол напоминает змеиное тело. Припорошенный снегом, он висит на уровне пояса. Яшка помогает мне перетащить камеру.

– Ну а сами местные что?

– А для аборигенов проход укладывается в границы привычного. Это для нас «феномен», а для них в одном ряду с тайгой и Енисеем-батюшкой. Подумаешь, раз в четыре года проход в другой мир открывается! Обывателю-то что? Ему скотину кормить надо. Знаешь, как в Беломорске «Бесовы следки» нашли? Там ведь тоже каждый абориген про них знал, деревня рядом. А потом пришел человек со стороны и ткнул весь мир носом: эй, братцы, да тут же памятник древнейшей истории!

Кэп молчит, подтягивает «тигра» и заканчивает:

– За границы заглядывать – удел мечтателей и психов.

– А вы тогда кто? – не унимаюсь я.

– А мы – мечтательные психи! – кричит спереди Яшка.

Группа довольно хохочет. Гулкое эхо разламывает звук на осколки, расшвыривает в разные стороны, порождая странный, неприятный эффект. Рикошетищий смех похож на воронье карканье. Возвращаясь, он падает нам на головы и одновременно стелется под ногами, причудливо искривляя пространство. Чуждый здешней тишине, он пробуждает этот оцепеневший черно-белый мир. Даже густые тени, встрепенувшись, вытягиваются, ощупывая шумных чужаков.

– Мужики, темнеет, что ли? – вертит головой Кир.

– А ничего удивительного, кстати, – басит Кэп. – Если у нас лето, а тут зима, может, и другие временные сдвиги имеются. Так-то, по ощущениям, часов пять вечера уже. Ускориться бы... Километра три осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.